

ОН ШЕЛ по Выборгской стороне, улыбался — и прохожие тут же узнавали: «Максим!» Да, конечно, за эти годы волосы покрылись инеем, но улыбка все та же, и походка легкая, и глаза за стеклами очков смотрят пронзительно...

«Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона»... Помните! Наверняка помните! Сегодня народный артист СССР Борис Петрович ЧИРКОВ снова в нашем городе, на съемке нового фильма. Но выдался свободный часок — и поспешил артист привычной дорогой на милую его сердцу Выборгскую сторону.

— Борис Петрович, что для вас значит Выборгская сторона?

— Я люблю бывать в Ленинграде, потому что с ним связаны лучшие годы моей жизни: здесь я учился, провел молодость, как говорится, вышел в люди. А Выборгская сторона стала вроде бы главной стороной моей жизни, на которую я постоянно держу равнение. Где бы ни был, фигурально говоря, оглядываюсь на Выборгскую сторону. Оглядываюсь, потому что в искусстве зачастую не только сам автор создает художественный образ, но есть и обратная связь. И герой начинает влиять на своего творца. Так вышло и у меня с моей главной ролью, с Максимом. Созданный на киностудии, Максим вышел на экран, зажил самостоятельной жизнью и стал воздействовать на меня: его душевные качества зрители стали приписывать и мне, исполнителю. Уже волей-неволей я должен был отвечать за двоих. А так как доверие к Максиму и спрос с него чрезвычайно большие, то мне невольно приходилось подтягиваться самому к тому человеку, которого вырстила Выборгская сторона. (Кстати, помню, когда вступал в партию, на бюро райкома секретарь сказал: «Ну что Максима долго спрашивать? Его мысли, его убеждения мы отлично знаем из кинофильма»). Вот почему я говорю, что постоянно оглядываюсь на Выборгскую сторону.

Да, у Выборгской в истории нашего народа — свое, особое место. Отсюда подул один из первых ветров революции. Став рабочим вожаком еще в прошлом веке, Выборгская сторона и до нынешних дней не только не ушла на заслуженный покой, но полностью сохранила свои неубывающие силы, свое устремление в будущее.

И в творчестве я тоже всегда старался равняться на Выборгскую сторону. Ведь и после Максима с темой питерского рабочего класса был связан крепко-накрепко. Всех картин называть не стоит, но вот фильм «Мятеж-

ИДЕТ ПО ВЫБОРГСКОЙ МАКСИМ...

ПРАЗДНИЧНЫЙ ГОСТЬ «СМЕНЫ» —
НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР
БОРИС ПЕТРОВИЧ ЧИРКОВ

ная застава», где я играл центральную роль, был посвящен яркой странице в революционной борьбе рабочего класса — Обуховской обороне. И сейчас на «Ленфильме» снимаюсь в ленте «Ижорский батальон». Сценарий рассказывает о том памятном времени, когда рабочие Ижорского перед лицом фашистской опасности, подступившей к Ленинграду, к самым цехам завода, создали отряды народного ополчения и остановили регулярную армию, завоевавшую до этого почти всю Европу. Мой герой — старый рабочий, которого благодаря лирическому складу его характера зовут просто Ванечкой. В трудный час Ванечка становится мужественным воином.

— Как вы думаете, узнал ли бы Максим Выборгскую сторону, оказавшись здесь сегодня? Куда бы он пошел в первую очередь? По какому адресу?

— Чтобы узнать Выборгскую сторону, Максиму пришлось бы долго плутать по ней, поискать последние оставшиеся от той поры даже не кварталы, а отдельные здания... Что было раньше? Захолустная окраина Санкт-Петербурга. Хибабы да пивные, кабаки да трактиры, где в горьких песнях и пьяных драках искали люди забвения от тяжелой своей жизни. Редкие керосиновые фонарики кое-где кидали тусклый свет на грязные, топкие, как болото, мостовые, по которым ранним утром под вой заводских гудков полусонные люди брели туда, где их ждал непосильный труд. Стоит вспомнить хотя бы сами названия улиц: Пустая, Грязная, Глухая, Траурная, Молчаливая... Транспорта не хватало. В Озерки, Удельную, Коломяги попасть вообще можно было только на извозчике или пешком. А смертность на Выборгской в четыре раза превышала ту, что в центре города.

Школы и клубы буквально считались по пальцам, но зато пятьдесят три церкви и три тюрьмы!

Теперь на Выборгской, по существу, новый благоустроенный город: четыреста тысяч жителей! В райисполкоме мне сказали: за годы Советской власти жилой фонд района с 390 тысяч квадратных метров вырос до пяти миллионов. Здесь учатся 100 тысяч человек. Вместо дореволюционных трех приемных покоев — 99 медицинских учреждений. Еще цифры: 79 домов и дворцов культуры, семь кинотеатров, 200 библиотек, 2116 красных уголков... Трамвай, автобус, троллейбус... На очереди — метро. Самый зеленый район в городе! И в то же время — заводская сторона: «Русский дизель», объединения «Светлана», имени Карла Маркса, другие предприятия. А еще тридцать научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. Да, здорово бы подивился мой дорогой киногерой! И, наверное, только на проспекте имени Смирнова, прочитав над новым кинотеатром неоновые буквы — «Максим», окончательно осознал бы, что находится на своей родной стороне.

А пошел бы он, думаю, первым делом все-таки на завод «Красный выборжец», хоть тот и находится в нынешнем Калининском районе. Потому что некоторые старые цехи этого завода очень уж Максиму памятные. Кстати, несколько лет назад здесь и у меня произошла интересная встреча. Заглянул в цех — подхожу ко мне один человек. Разговорились. В разговоре выяснилось, что, будучи «фабзайчонком», он снимался в «Юности Максима», и вот теперь, через тридцать лет, в том же цехе руководит рабочим коллективом. Так что, придя на «Красный выборжец», Максим наверняка нашел бы там немало старых знакомых.

— А что для вас самого особенно примечательно на новой Выборгской стороне?

— Есть два таких места. Об одном уже упомянул — кинотеатр «Максим». Это очень радостно — ведь, по сути, поставлен памятник моему герою. Второе место — гостиница «Ленинград», где я, к счастью, уже успел три раза пожить. Помню, в тот день, когда оказался там впервые, ленфильмовцы с трудом дождались меня на съемке. Не мог оторваться от окна — такой потрясающий вид!

— Сразу ли вы приняли своего героя? Как произошла ваша самая первая встреча?

— Не ожидая лифта, я взбежал по лестнице своего дома на четвертый этаж, кинул плащ мимо вешалки, ворвался в комнату, положил на стол объемистую книгу и несколько раз перечел заголовок: «Г. Козинцев и Л. Трауберг. Юность Максима. Ленфильм. 1933 год». И сразу попал в плен... Когда-то, совсем молодым, работая в Театре юного зрителя, я сыграл Тилья Уленшпигеля. Тилья борется за свободу своего народа не только силой оружия, но и оптимизмом, веселостью, песней... Вот и Максим для меня стал сразу как бы Тилем с Выборгской стороны. В самом деле, его народность, оптимизм, творческое отношение к жизни, спрессованные с большевистской убежденностью, заразительны. Абсолютно уверен, что, например, из Максима никогда не получился бы бюрократ, даже если бы он до конца дней своих продолжал заведовать банком. Эта многогранность характера очень подкупала — и нас, создателей фильма, и зрителя тоже. Прошло уже столько лет, но до сих пор продолжаю получать письма, адресованные моему герою. Да-да, пишу не только мне, но и Максиму. С Мак-

симом делятся сомнениями, Максиму доверяют тайны.

— Как помогала вам Выборгская сторона в работе над образом своего героя?

— Так уж повелось в нашем кинематографе: прежде чем актер будет изображать своего героя, он обязательно познакомится с его профессией, обязательно побывает в тех местах, где жил этот человек, встретится с людьми, которые были его прообразом. Так вот и мы, будущие Максим, Андрей, Дема, Наташа, еще месяца за три до съемок отправились на «Красный выборжец». И там мы нашли в рабочих людях твердость и ясность убеждений, встретили крепкое товарищество, объединяющее большие коллективы. Мы открыли в них истинное благородство души, мы приглядывались к ним пристально, чтобы запомнить и перенести в свои роли сущность рабочего человека. В комнатах Ленинградского дома кино стали собираться старые питерские рабочие, большевики. И рассказывали нам о том, как в свое время бастовали на «Лесснере», как строили баррикады на Сампсониевском проспекте, как проводили мавзевы в Озерках...

Седоголовые, с морщинистыми лицами, наши собеседники оживлялись, молодели по мере того, как всплывали в их памяти эти боевые дни. А мы набирались ума-разума, узнавая новые для нас подробности жизни и деятельности людей, из среды которых выбрали авторы наших героев... Мы бывали и в рабочих столовых, и в общежитиях, и в домах культуры — чтобы посмотреть, как эти люди не только трудятся, но и развлекаются. Приглядывались даже и к тому, как они за девушками ухаживают (пробовали сами ухаживать — в то время это получалось доволь-

но-таки успешно). В какой-то мере и заводская обстановка, и некоторые старые улицы напоминали атмосферу, в которой жил Максим. И это, как музыка, настраивало на определенный лад.

Мы не старались точно скопировать человека 1907 года, мы играли нашего современника, человека тридцатых годов, но его основа, душевная устремленность были те же, что и у молодого рабочего начала века.

— А непосредственно на Выборгской, на улицах, были съемки!

— Да, на Сампсониевском проспекте снимали один из баррикадных боев. А на невской набережной, у стен завода «Арсенал», был запечатлен выход Максима из тюрьмы. Максим смотрел на мрачное здание, а голос чиновника, который его выпустил, продолжал твердить, что запрещено ему жить в такой-то губернии, и в такой-то, и в такой-то...

— Ваша знаменитая песенка пришла тоже с Выборгской?

— Не могу точно утверждать, что она пришла именно с Выборгской, но знаю наверняка, что и на Выборгской ее пели тоже. Потому что это песня городских окраин. И появилась она в фильме совсем не случайно. Песня Максиму была очень нужна. Без песни он был бы суше и сдержаннее. Мы надеялись, что с песней в герое яснее прозвучит его русская натура, его широта, открытость и обаяние. Песню искали долго и тщательно. И вдруг однажды на репетиции мне случайно припомнилась мелодия, которую пелал отец. И режиссеры разом закричали: «Вот! Она! Как там у вас? Крутится, вертится... Что вертится-то, шар или шарф?»

— Как вы думаете, что бы сказал Максим, встретившись с сегодняшней молодостью Выборгской стороны?

— Наверное, сказал бы, что эти парни и девушки более счастливы, чем люди его поколения. Что им больше дано, но с них больше и спросится. Потому что все, что было закрыто или трудно достигаемо для Максима и его сверстников, теперь стало хозяйством молодых. Да, они хозяева — своего города, своей страны, своей эпохи... Старики обычно ворчливы. И Максим, может быть, сейчас тоже над чем-нибудь и поворчал бы. Может, допустим, что-то в некоторых костюмах или прическах ему бы и не приглянулось. Но, всмотревшись повнимательней, он бы наверняка согласился, что все то лучшее, что было в молодежи его времени, сохранилось, продолжает жить и развиваться в сегодняшней юности Выборгской стороны.

Л. СИДОРОВСКИЙ
Фото М. Ширмана